

ТРАГИЧЕСКИЙ КЛОУН

- Лев Константинович, а как Вы узнали впервые о том, что вы - из династии? - Ну как, я всю жизнь знал, отец же - Дуров! А про цирк... По-моему, что-то говорили, когда маленький был. У меня родители никакого отношения к искусству не имели: мама работала в военно-историческом архиве, отец - во "взрыв-проме", это мирные взрывы. Со своими знаменитыми родственниками я познакомился, если говорить честно, довольно поздно.

Была забавная одна история. Играю однажды я в пинг-понг, а рядом стоит такой высокий, очень красивый человек. И говорит мне: "Здорово, брат." Я думал, что он шутит, и тоже так шутя: "Здорово, брат." А он мне: "Лева, да я на самом деле твой брат." Оказалось, это Пров Садовский, мы ведь тоже родственники. Я его как актера-то знал, но не ожидал, что вот так встречу. С Натальей Юрьевной мы познакомились довольно смешно. Я пришел в Верховный Совет РСФСР получать звание Народного артиста. Вдруг какая-то красивая женщина с таким красивым голосом обращается ко мне: "Вот, у нашей династии сегодня такой праздник..." Она в роскошном платье, а улавливается запах зверей. И я сразу понял, что это та самая Наталья Дурова, которую я по телевизору-то видел, но близко мы знакомы не были. И прямо с этой минуты стали с ней друзьями.

Потом познакомился с Терезой Васильевной - она оказалась обаятельной женщиной, отважной, прекрасно работала на манеже.

Мы все дружим. Как ни странно, я не знаю почему, но часто между цирковыми артистами не бывает такой однодинастийной дружбы.

- Лев Константинович, напрашивается вопрос о вашем отношении к цирку.

- Я цирк просто обожаю. Наверное, тут играют свою роль кровь и гены. У меня очень много цирковых друзей. Когда прихожу в цирк, то начиная с запаха - мне все нравится. Вот этот запах пота, опилок, навоза, зверей - он такой своеобразный, такой неповторимый. Театр такого запаха не имеет. Кроме Театра зверей. В кино - совсем другой запах.

Я обожаю быть за кулисами цирка. Очень люблю коверных. Мне кажется, что если бы я этим занимался - то был бы неплохим коверным. Даже Юрий Владимирович Никулин, с которым мы большие друзья, сказал на это: "Да, ты был бы хорошим коверным". Но это можно только говорить, предполагать. Актер в цирке очень сильно отличается от актера в театре. Совсем другие законы. То, что в театре покажется очень смешным, в цирке может не вызвать и улыбки. Это какая-то большая "площадность" - я бы вот так сказал.

Я люблю просто приходить в цирк, за кулисы. И так как я Дуров - меня не гонят. Люблю ходить мимо клеток, смотреть, как разминаются акробаты...

Банальные слова, но цирк действительно очень народное зрелище. Народное не в смысле "вниз", а в смысле "вверх". Вы обратили внимание, как рвутся иностранцы именно в цирк. Там рядом сидят и московская интеллигенция, и нью-йоркская интеллигенция, и лондонская. И тут же сидят рабочие, сидят дети. И что важно: все получают почти одинаковое удовольствие.

Ну, может быть, я как профессионал вижу в репризах чуть больше, чем неискушенный зритель. Все эти маленькие нюансы реприз - и есть украшения. А кто-то смотрит просто широко открытыми глазами. Такими детскими глазами. Наверное, так надо смотреть, но, увы, уже не всегда получается видеть искусство детскими глазами.

- Лев Константинович, а вы в своей профессии актера и режиссера используете цирковые элементы?

- Обязательно. У меня вот, скажем, акробаты братья Воронины просто работали в спектакле "Весельчаки" по Нилу Саймону. Много от цирка и в новом моем спектакле, который скоро выпускаю, - "Жиды города Питера" по братьям Стругацким. Да и вообще...

Как-то мы были в Англии на Эдинбургском фестивале с "Женитьбой" Гоголя, где заняли первое место. И меня там называли - всякие были эпитеты, но Бог с ними, - "трагическим клоуном". Это было для меня: высшей наградой. Подумал: "О, как это замечательно, звание это действительно так". Тогда другого звания не нужно, все эти "заслуженные", "народные" - все это чушь! Там было написано, что этот спектакль стоит посмотреть хотя бы из-за того, что в нем занят такой-то такой-то, "трагический клоун" Лев Дуров. Это звание, думаю, самое высшее.

Для меня гений в нашем деле - это Чаплин. А кто такой Чаплин? Трагический клоун! Я, конечно, не могу и не хочу сравнивать себя с Чаплиным. Но если меня назвали так, значит, чего-то я стою. Повторяю: для меня это самое почетное звание.

Я вообще обожаю на сцене соединение трагизма и эксцентрики. Если это удастся - это замечательно. Это такой сильный "удар"...

Если говорить серьезно, то ведь изначальные истоки театра лежат в цирке. Потому что, наверное, началось не с драматического искусства, а с того, что выходил акробат посреди города, что-то делал, стояла толпа и смотрела. Потом появились мимы, потом мистерии, а уже из мистерии, скорее всего, родился театр Древней Греции. Я думаю, все началось с цирка. И в Греции все эти огромные театры были построены, наверное, гораздо позже, чем один какой-нибудь акробат вышел на площадь. По-моему, театр должен быть признателен цирку за свое начало.

- Скажите, а гены цирковые вы в себе ощущаете?

- Конечно. Хотя как их ощущать? Они ведь не ощущаются - они там бродят, гуляют. Но невольно все равно проявляются. Почему меня всегда тянет к цирку? Почему мой лучший друг - Никулин? Почему мне очень часто хочется заехать к Наташе в "Уголок", просто посидеть там с ней, с ее помощниками. Чтобы тебя собачка укусила за ногу или погугай на голову накал. Все это - неосознанно приятно.

И потом: я ведь в цирке, как в театре. Значит, тоже что-то сработало. Меня почему-то в детстве, хотя я никогда об этом не думал в те годы - шпана был, - но всегда почему-то называли "артистом". Или "Швейком". Но артистом куда чаще.

- Лев Константинович, однако в коверные вы не пошли.

- А наверное просто никто не позвал в тот момент. Если бы кто-то поманил пальцем - наверняка я оказался бы в цирке. Может быть, даже униформистом - кто знает? Судьба могла сложиться по-разному. Я ведь знаю: цирк - зараза такая же, даже страшнее, чем театр. Кто попадает в цирк - оттуда уже не уходит. А если уходит, то по каким-то трагическим обстоятельствам. Даже из одного жанра в другой переходят. Акробаты часто становятся иллюзионистами: физически уже трудно работать, а цирк они покинуть не могут. То есть на пенсию могут уйти - не хотят. Это понять можно. С цирком очень трудно расстаться.

У меня с цирковыми отношения складываются мимовольно. Вот только увидел - "бум" и готово, и я уже влюбляюсь, и как-то многие становятся мне друзьями.

- Лев Константинович, давайте напоследок я банальнейшим образом спрошу вас о творческих планах?

- Их всегда много. Но вот много лет я мечтаю поставить "Лес" Островского. Надо мной уже смеются. Но я все равно рано или поздно его поставлю. И спектакль обязательно будет с элементами цирка и эксцентрики. Буду советовать с Юрием Владимировичем Никулиным, чтобы он подсказал какие-нибудь репризы, трюки. Обязательно буду это делать.